«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» И РОССИЯ

В.Д. Соловей

Были ли революции?

Те, которые теряют от революции,
редко склонны признать за ней
ее настоящее имя.

Лев Троцкий

В русском и иностранных языках термин «цветные революции» звучит, по крайней мере, двусмысленно. Не очень понятно, что им обозначается, каковы природа и характер перемен, которые в течение шести лет, с 2003 по 2010 г., последовательно охватили Грузию, Украину, Киргизию, Молдавию и снова Киргизию. Была ли это вторая волна «бархатных революций», сопровождавших на рубеже 80–90-х годов прошлого века падение коммунизма? Или специфическая разновидность революций, присущих исключительно постсоветскому пространству? Или же, как настаивает российская пропагандистская машина, «цветные революции» были инспирированными из-за границы восстаниями против законных властей суверенных стран и в конечном счете против России?

Именно участие — реальное или мнимое — Запада в «оранжевых революциях» служит, по мнению российских официозных наблюдателей, главным основанием для того, чтобы отрицать революционный характер событий и квалифицировать их как государственные перевороты. И хотя в случае событий в Киргизии — ни в марте 2005 г., ни в апреле 2010 г. — невозможно доказать ни западное участие, ни антироссийский характер новой киргизской власти, в первом случае российская пропаганда легко вышла из затруднения. Субститутом «Запада» стала местная «мафия», якобы связанная с транснациональными силами, а пророссийский характер нового режима был объявлен «победой здоровых сил» над «заговорщиками». В апреле 2010 г. российские массмедиа вообще исключили тему внешнего влияния из интерпретации со-

бытий в Киргизии, акцентируя внимание исключительно на внутренних факторах.

Так или иначе, принципиальный вопрос о том, что же представляли собой «цветные революции», остается в научном плане открытым.

По иронии, критикуя «цветные революции», российские наблюдатели явно или имплицитно исходят из традиционного марксистского определения *социальной* революции, акцентирующего внимание на смене классовой гегемонии и социальной глубине революции. Они избегают обращаться к современным определениям революции. И понятно, почему, если взять определение революции одного из наиболее авторитетных специалистов в этой области, Джека Голдстоуна: «Это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть»¹.

От Грузии до Молдавии мы легко обнаружим *все* элементы этого определения. Во всех странах широкие массы были мобилизованы, а их действия сопровождались угрозой насилия или его элементами. К счастью, полномасштабное насилие с жертвами случилось лишь однажды — в Киргизии в апреле 2010 г. Во всех странах была предпринята попытка — успешная или не очень — преобразовать политические институты и дать новое обосно-

¹ Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 61.

вание политической власти. Идеологическим мотором «цветных революций» выступил артикулированный демократический миф (Грузия, Украина, Молдавия) или смутное, но сильное стремление к справедливости и свободе (Киргизия).

Хотя «цветные революции» не были глубокими социальными революциями, они могут смело оцениваться как революции политические.

Зарубежное участие в них — реальное или мнимое — нисколько не отрицает оценки этих событий как революций. Более того, в теории революций иностранное вмешательство традиционно считается одной из главных причин революции². В начале XXI в. формы и методы такого вмешательства стали более изощренными и разнообразными: на смену вооруженного экспорта революции и грубого давления пришла *soft power* — влияние через культуру, ценности, образ жизни и институциональные сети. При этом революционная активность чаще всего выступала не прямым, а побочным продуктом иностранного влияния.

Да, ЕС и США сформировали сеть фондов и грантов в Грузии, Украине и Молдавии. Однако не существует достоверных оценок ее масштаба и размера влияния. В конце концов, сила этого влияния была предопределена тем, что в революционных странах шла спонтанная социокультурная переориентация. Зерна западного влияния могли прорасти лишь там, где для них была готова почва.

Основной поток трудовой эмиграции из Украины и Молдавии (а также из Белоруссии) уже давно направлен в Европу, а не в Россию. Европа — важный источник финансовых поступлений в эти страны, но, главное, она значительно привлекательнее России, которая все чаще оказывается антимodelью, а не образцом подражания для постсоветских обществ. Молодежь Грузии и Молдавии — полностью, а Украины — в значительной мере в ценностном и культурном отношении ориентирована прозападно. Для нее мало что значит общая советская история и экономическая зависимость их стран от России.

² Голдстоун Дж. Указ соч. С. 64–66.

Прозападная ориентация абсолютно превалирует и среди белорусской молодежи, со всей очевидностью указывая вероятное будущее Белоруссии.

Отвечая однажды на вопрос, что же привело к падению коммунизма, последний советский лидер Михаил Горбачев ответил в несвойственной ему афористичной манере: «Культура». «Бархатные революции» рубежа 1980–1990-х годов прошлого века были подготовлены социокультурной трансформацией коммунистических обществ. Аналогичная по масштабу и вектору трансформация стала благодатной почвой для «цветных революций».

Россия не смогла воспрепятствовать «цветным революциям» ни во враждебной ей Грузии, ни в целом лояльных ей Украине и Молдавии, ни во всецело зависимой от нее Киргизии. А ведь в 2004 г. потенциал влияния России на Украину был значительно выше, чем у любых внешних игроков. Во время президентских выборов Россия откровенно вмешивалась во внутренние дела Украины, активно и открыто поддерживая одного из украинских кандидатов, в кампании которого принял личное участие даже тогдашний президент России Владимир Путин.

Вряд ли Запад можно считать главной причиной российского проигрыша. Непонимание российской элитой постсоветской динамики, неэффективное использование потенциала влияния, непривлекательность российского пути развития выглядят более убедительным объяснением провала российской политики в постсоветском пространстве, чем «геополитический заговор» против России.

Но даже если мы признаем важную роль внешних сил в «цветных революциях», это не отменит их права называться революциями, а лишь рельефнее подчеркнет революционный характер событий.

Причины революций

Все удачные революции одинаковы, как счастливые семьи Льва Толстого. Чтобы революции возникли и победили, необходима комбинация структурных

факторов³. Более или менее одинаковый набор факторов мы обнаруживаем во всех «цветных революциях».

Первое. Кризис государственной власти, при которой государство воспринимается элитами и массами как неэффективное и несправедливое. В случае «цветных революций» (за исключением Грузии и Киргизии в апреле 2010 г.) доказательством несправедливости государства и одновременно триггером революций выступили обвинения власти в нечестном проведении общенациональных выборов. Не имели значения ни масштабы этих злоупотреблений, ни даже отсутствие убедительных доказательств их совершения. Общества априори воспринимали власть как несправедливую и склонную к электоральной фальсификации. Глубокое моральное недоверие власти вело к ее политической делегитимации. В культурной рамке революционного кризиса экономические и политические кризисы, материальные лишения и угрозы воспринимались как непосредственный результат несправедливости и нравственных недостатков государства, в резком контрасте к добродетельности и справедливости оппозиции⁴.

Отказ власти от репрессий против революционеров не повышал ее морального авторитета, а наоборот, воспринимался как проявление ее слабости и неэффективности. Но и репрессии не были решением кризиса. Они закрепляли впечатление несправедливости государства и усиливали массовый протест, особенно если задевали невинных, как это случилось, например, в Киргизии в апреле 2010 г.

В результате власть оказывалась в ловушке: репрессии доказывали ее несправедливость, а их отсутствие в ситуации революционного кризиса доказывало ее слабость.

³ Перечень этих факторов см. в: Голдстоун Дж. Указ. соч. ; Goldstone Jack. *Comparative Historical Analysis and Knowledge Accumulation in the Study of Revolutions* // Mahoney J., Rueschemeyer D. (eds.) *Comparative Historical Analysis in the Social Sciences* Cambridge : Cambridge University Press, 2003 P. 41–90.

⁴ Голдстоун Дж. Указ. соч. С. 76–77.

Эта ловушка возникала потому, что часть элиты отказывалась от поддержки режима и предпочитала искать альтернативные пути разрешения революционного кризиса. «Государства, пользующиеся поддержкой сплоченной элиты, в целом неуязвимы для революций снизу»⁵. Раскол элиты — второй структурный фактор революции.

Здесь важно обратить внимание, что речь идет не о рядовом элитном конфликте, а об оформлении элитных фракций, имеющих различную идеологию и различные представления о структуре желательного социального порядка. Раскол на, условно, консервативную и (прото)демократическую фракции элиты имел место во всех революциях от Грузии до Молдавии, не исключая Киргизии. В Грузии против слабого режима Шеварднадзе выступила элитная фракция Саакашвили — Бурджанадзе — Жвани. На Украине против Януковича — Ющенко и Тимошенко. В Киргизии против Акаева — Бакиев — Кулов — Отунбаева, затем уже против Бакиева — Отунбаева. В Молдавии Гимпу и Филат против Воронина. Так или иначе, все оппоненты власти сами занимали в ней важные посты или были от них ранее отстранены.

Третий структурный фактор революции — кризис народного благосостояния — не столь однозначен, как два первых. В этом отношении «цветные революции» выглядят полемикой между Владимиром Лениным и Алексисом де Токвилем. Первый считал важной причиной революции социоэкономический кризис и обнищание низов — «обострение выше обычного нужд и бедствий трудящихся классов». Второй на примере Великой французской революции показывал, что к революции парадоксальным образом ведет не ухудшение, а улучшение социоэкономической ситуации, сопровождающееся быстрым ростом массовых притязаний, для удовлетворения которых не хватает ресурсов. Иначе говоря, революция политическая и социальная начинается с революции ожиданий.

⁵ Голдстоун Дж. Указ. соч. С. 66.

Опыт «цветных революций» подтверждает обе гипотезы одновременно, не делая однозначный выбор в пользу одной из них. В Грузии и Киргизии социально-экономическое положение накануне революций было ужасающим; в Молдавии оно ухудшилось вследствие мирового кризиса, но не драматически. Зато Украина в течение двух-трех лет перед «оранжевой революцией» наслаждалась беспрецедентным экономическим ростом, составлявшим 12–14% в год. Этот рост сформировал обширный украинский средний класс, пробудил к жизни его политические амбиции и повысил притязания украинского общества.

В общем, резкое ухудшение народного благосостояния не обязательно предшествует революции. Уровень жизни имеет значение не сам по себе, а только в сочетании с другими структурными факторами. Эти факторы усиливают его воздействие либо, наоборот, способны компенсировать его слабость, как это было на Украине.

И наоборот: даже самое драматическое падение жизненных стандартов, если оно не комбинируется с другими факторами, не ведет к революции. На той же самой Украине экономическая ситуация накануне президентских выборов 2010 г. была несравненно хуже, чем в 2004 г.

Отдельно взятый конфликт элитных фракций ведет к перевороту, но не к революции. Отдельно взятая массовая мобилизация — к восстанию или даже гражданской войне, но не к революции. Для революции критически необходим союз части элит и народных масс в их атаке на государственную власть. Без этого, четвертого структурного фактора успешная революция вряд ли возможна.

Во всех «цветных революциях» союз части элит и общества сыграл ключевую роль. При этом массовая мобилизация носила в целом мирный характер, хотя сопровождалась угрозой насилия и даже отдельными его проявлениями. Лишь последняя революция в Киргизии сопровождалась широкомасштабным насилием.

Революция невозможна без оппозиционной идеологии — пятого структурного фактора. Такая идеология соединяет элиту и массы в их борьбе с властью, оправдывает эту борьбу и предлагает альтернативный социальный порядок. В качестве подобной идеологии выступала утопия (по К. Мангейму) справедливости и освобождения. В Грузии, Украине и Молдавии она была рационализирована и артикулирована в форме демократической идеологии, в Киргизии — в виде довольно смутного, но сильного стремления к справедливости.

Наконец, шестым и последним — в порядке перечисления, но не по степени важности — структурным фактором окажется внешнее влияние. Под внешним влиянием, как я уже объяснял, понимается не только и не столько политическое вмешательство, сколько социокультурное влияние, восприятие Запада как желательной нормы и образа будущего. В этом качестве Запад составлял важную часть оппозиционной утопии.

Таким образом, внешний фактор усиливал оппозиционную идеологию и влияние такого фактора, как кризис народного благосостояния. Применительно же к Украине внешний фактор компенсировал слабость этого кризиса.

Как уже отмечалось, в Киргизии ни в каком виде невозможно обнаружить серьезное западное влияние. Она была финансовым клиентом России, которая сохраняет преобладающее социокультурное влияние на киргизское общество и служит главным направлением киргизской трудовой миграции.

В то же время, если включить во внешний фактор революционный пример, влияние революционных событий *per se*, тогда можно говорить о внешнем влиянии и применительно к Киргизии. Бесспорно, что грузинская «революция гвоздик» послужила вдохновляющим примером, моделью и резервуаром политического опыта для всех «цветных революций», включая первую киргизскую. Роза Отунбаева, лидер первой и второй киргизских революций, была хорошо знакома с грузинским революционным опытом.

Итак, в двух странах — Грузии и Молдавии — мы обнаруживаем все шесть структурных факторов революции, на Украине и в Киргизии — по пять. На Украине был слабо выражен кризис народного благосостояния, в Киргизии — внешнее влияние. В то же время в Киргизии присутствовал структурный фактор, отсутствовавший во всех других «цветных революциях», — демографический перегрев.

Демографии принадлежала важная роль в масштабных исторических потрясениях Новейшего времени, она послужила своеобразной «мальтузианской» основой революционных кризисов и войн XIX–XX вв. При этом существует отчетливая корреляция между демографической динамикой и масштабом насилия.

Ни в «бархатных», ни в «цветных» революциях демографический фактор не играл заметной роли. Единственное значимое исключение — азиатская Киргизия, где демографический перегрев оказался важным структурным фактором кризиса. В каком-то смысле он компенсировал отсутствовавшее внешнее влияние. В то же время демографический перегрев способствовал высокому уровню революционного насилия.

Черта, которую часто полагают особенностью «цветных революций», — активное участие в них молодежи — в действительности является общим признаком всех революций.

Возможен интересный сравнительный анализ «цветных революций» по таким параметрам, как протестные идентичности и тип мобилизации, характер лидерства, гендерный фактор и т.д., но эти вопросы второстепенны по отношению к основной линии моей статьи.

Революционные результаты

Я последовательно проводил мысль, что «цветные революции» носили демократический или хотя бы протодемократический, как в Киргизии, характер. В пользу этого говорят такие свидетельства, как демократический характер оппозиционной идеологии, выбор Запада в качестве образца развития, в це-

лом мирный характер революционной динамики. Единственное исключение в этом смысле, еще раз повторю, составила Киргизия.

Однако можно ли назвать политические режимы, установившиеся в результате революций, демократическими? Здесь надо пояснить, что характер революции и ее результаты, включая тип политического режима, не связаны детерминистскими отношениями. Более того, последствия революции вообще невозможно вывести из ее структурных условий. Демократия или диктатура, мир или война, глубина политических и социоэкономических преобразований оказываются результатом сложной и непредсказуемой констелляции структурных факторов и множества переменных. В целом результаты революции скорее случайные, чем предопределенные⁶. «Цветные революции» полностью подтверждают этот теоретический вывод.

Точно так же они подтверждают наблюдение, что революционные усилия, уходящие на перестройку политических институтов, душат экономический рост, а пред- и постреволюционный раскол элит оказывается губительным для экономического прогресса. В большинстве случаев долговременное экономическое развитие революционных режимов отстает от развития сопоставимых стран, не знавших революций⁷. Возможно, развитие демократических институтов окажет в конечном счете стимулирующее воздействие на экономическую динамику стран, переживших «цветные революции». Однако в настоящее время можно говорить об экономических провалах, а не об экономических достижениях «цветных революций». Провалах, которые не обязательно компенсируются развитием политической демократии.

Уверенно говорить об утверждении демократии можно лишь на Украине, о хороших демократических перспективах — в Молдавии, в то время как демократическое будущее Грузии и Киргизии

⁶ Голдстоун Дж. Указ. соч. С. 98–99.

⁷ Голдстоун Дж. Указ. соч. С. 94–95.

выглядит весьма неопределенным и тревожным.

Предпочтение, отданное Украине, вызвано тем, что в этой стране в ходе общенациональных конкурентных, свободных и прозрачных выборов 2010 г. сменились местами власть и оппозиция, в свою очередь, поменявшиеся местами в ходе «оранжевой революции» 2004 г. Мирная смена власти в ходе выборов — важный критерий успеха демократизации.

При этом одним из ключевых факторов выживания и упрочения демократии на Украине стал ожесточенный конфликт внутри украинской элиты. Равенство сил элитных фракций поставило их перед дилеммой: взаимное уничтожение или компромисс, механизмом которого стали демократические институты и процедуры. Украинская ситуация лишней раз подтверждает давнишнее наблюдение: демократия вырастает не из достоинств людей, а из их недостатков. Она служит не для того, чтобы создать на земле рай, а для того, чтобы не возник ад.

Правда, если в политике элитный конфликт привел к упрочению демократии как механизма внутриэлитного компромисса, то в экономике его результатами стали дезорганизация и управленческий паралич. Феноменальный украинский экономический подъем закончился почти сразу же после «оранжевой революции», причем вследствие внутренних причин, а не в результате влияния внешних факторов. За демократию Украине пришлось заплатить масштабными экономическими и социальными потерями. Впрочем, с начала 2010 г. украинская экономика демонстрирует высокие темпы восстановления — почти столь же высокие, как и темпы падения в 2008–2009 гг.

Экономические проблемы Молдавии трудно отнести на счет революции, поскольку молдавская революция проходила в ситуации глобального экономического спада. В Молдавии соблюдаются демократические процедуры и правила игры, но, пока она не прошла испытания демократической сменой власти, невозможно говорить об успешной консолидации демократии.

В Грузии демократический потенциал революции был выхолощен, утвердившийся режим Михаила Саакашвили характеризуется заметными авторитарными чертами, а экономически его невозможно назвать успешным. Впрочем, страна, избравшая военный путь для восстановления территориальной целостности, по определению лишается шансов нормального экономического развития и тяготеет к авторитарному правлению. Удивительно, но, даже проиграв «пятнадцатидневную войну» августа 2008 г., грузинская власть сохранила известную популярность и авторитет. Что, наряду с ее способностью выдержать натиск оппозиции, свидетельствует о политической эффективности. Хотя режим Саакашвили нельзя назвать демократическим и в этом смысле справедливым, его можно считать эффективным. Таким образом, результатом грузинской революции стало формирование режима — более сильного, чем уничтоженный революцией, хотя и менее демократического.

В отличие от Грузии постреволюционная Киргизия вообще не могла предъявить позитивных результатов революции: ни политической демократии, ни экономического роста, ни относительно эффективной власти. Режим Бакиева оказался еще более коррумпированным, неэффективным и непопулярным, чем свергнутый режим Акаева. Даже масштабная трудовая миграция киргизов в Россию не смогла спасти небольшую страну от демографического перегрева. Результатом глубокого внутреннего кризиса стала новая революция в апреле 2010 г., оказавшаяся полной неожиданностью для наблюдателей.

Итак, из четырех стран, переживших «цветные революции», лишь в двух идет относительно успешный процесс консолидации демократии — в Украине и в Молдавии. В Грузии и в Киргизии сформировались режимы существенно недемократические, хотя и использовавшие демократические процедуры. Правда, в Грузии новая власть оказалась эффективнее старой хотя бы в части подавления оппозиции. В Киргизии же она не могла по-

хвастать даже этим достижением, что и привело к новой революции.

Хотя делать выводы о характере новой киргизской власти преждевременно, можно предположить, что она окажется более чувствительной к общественным запросам и в этом смысле потенциально более демократичной. Идея перейти от президентской к парламентской республике выглядит важным шагом в этом направлении.

Если в политической области результаты «цветных революций» можно рассматривать как двойственные, то в экономике они оказались негативными. На Украине послереволюционный конфликт элит привел к срыву впечатляющего экономического роста и к кризису, который впоследствии был усугублен мировым кризисом. Радикальное ухудшение экономической ситуации произошло и в Киргизии, несмотря на российскую помощь, китайские инвестиции и существенные (по меркам киргизского бюджета) доходы от аренды США авиабазы «Манас». В Грузии и в Молдавии революционные режимы не смогли обеспечить экономический рост. Впрочем, вряд ли он был там вообще возможен.

Негативные экономические последствия революции являются скорее правилом, чем исключением, а установление демократии не гарантируют даже демократические по характеру революции. В России негативные результаты «цветных революций» использовались как важные аргументы в широкомасштабной контрреволюционной пропагандистской кампании для дискредитации как конкретных революций, так и идеи революции вообще.

По стезям Николая I

Российская реакция на «цветные революции» была избыточно сильной и в чем-то даже истеричной. Особенно острую реакцию Кремля вызвала «оранжевая революция» на Украине. И понятно, почему. Грузия, Киргизия и Молдавия — страны небольшие и не представлявшие первостепенного интереса для России ни в экономическом, ни в ге-

ополитическом отношении. Грузия вообще воспринималась как недружественное государство.

Украина же в силу своих масштабов, геополитического положения, историко-культурной близости и экономического потенциала всегда считалась ключевой для России страной постсоветского пространства. Но при этом российский политический класс смотрел на своего западного соседа свысока. Украина казалась жалкой копией России, ее население — тупым, безынициативным и послушным властям, а исход украинских выборов 2004 г. выглядел предрешенным. И вот — совершенно внезапный для российских и европейских наблюдателей масштабный общественный протест, радикально изменивший политическую ситуацию. Помимо утери политического влияния на Украину Кремль подсознательно экстраполировал «оранжевую революцию» на российскую ситуацию. Тем более что сразу же после (но не вследствие!) украинской революции по России прокатилась волна выступлений пенсионеров, протестовавших против так называемой монетизации льгот. Эти бунты сломали стереотип о пассивном и не способном к социальному протесту российском населении.

Политико-идеологическая активность Кремля в 2005–2008 гг. носила открыто и последовательно контрреволюционный характер. Типологически она повторяла контрреволюционную стратегию российского императора Николая I, при котором Россия получила неблагозвучное прозвище «жандарма Европы». Разумеется, формы и методы современной российской контрреволюции отличались от тех, которые использовались во второй трети XIX в. В 2005 г. Россия не послала войска на мятежную Украину, как в 1848–1849 гг. она посылала их в революционную Венгрию. Зато в январе 2006 г. и 2007 г. Россия перекрывала поставки газа на Украину. Другие времена, другие песни. Но идеологическая музыка оставалась прежней.

Идеологическое обоснование контрреволюции при Николае I и при Влади-

мире Путине концептуально совпадало. Правительство Николая I последовательно защищало принцип легитимизма, выступало против экспорта революционных идей, за которыми усматривало масштабный международный заговор, и против демократии *per se*.

А вот что говорил в 2005 г. президент Владимир Путин: «Демократию нельзя экспортировать из одной страны в другую. Так же как нельзя экспортировать революцию, так же как нельзя экспортировать идеологию»⁸. Директор ФСБ Николай Патрушев был откровеннее в своих заявлениях, прямо обвинив спецслужбы и организации иностранных государств в дестабилизации (читай: в организации революции) соседних с Россией государств.

При Николае I графом Уваровым была сформулирована доктрина российского самодержавия — теория «официальной народности». Вопреки названию ее центральным пунктом была не «народность», а «самодержавие» — монархия, обладающая всей полнотой власти на территории страны и свободой рук во внешней политике. Два других члена уваровской триады, «православие» и «народность», трактовались как производные и целиком зависимые от монархии величины. Теория Уварова идеологически противостояла идеям народного суверенитета, республиканизма и национализма.

Современной репликой теории графа Уварова стала «суверенная демократия» Владислава Суркова, высокопоставленного чиновника, пользующегося репутацией идеолога российской власти. Смысл этой идеологии предельно прост: свободная от любых внешних ограничений российская власть, полностью контролирующая российское общество. Термин «демократия» в доктрине Суркова — такая же дань времени, как и термин «народность» в теории Уварова. «Народность» Уварова не подразумевала народного суверенитета, а «демократия» в понимании Суркова имела к демократии приблизи-

тельно такое же отношение, что и «народная демократия» коммунистических режимов.

Modus vivendi «суверенной демократии» также более или менее воспроизводил внутреннюю политику «официальной народности», хотя и с поправкой на время. Во время второго президентского срока Путина был стерилизован избирательный процесс, чрезмерно ужесточено законодательство по борьбе с экстремизмом, репрессировалась любая несанкционированная публичная активность, преследовались неправительственные организации, время от времени устраивались антизападные пропагандистские кампании, были созданы массовые прокремлевские молодежные и общественные организации и др.

В общем и в целом контрреволюционные практики носили явно избыточный характер. Точно такой же избыточной была реакция правительства Николая I на крошечные группы оппозиционных царской власти интеллектуалов — славянофилов и западников. И тогда, и сейчас страх российской власти был подлинным, но не слишком понятным. Ведь ни во второй трети XIX в., ни в первое десятилетие XXI в. Россия не стояла вплотную перед угрозой революции.

Почему не Россия?

Украина не Россия.

Леонид Кучма, экс-президент Украины

Все структурные факторы «цветных революций» в России отсутствовали или были слабо выражены. Российское государство не переживало делегитимации. Наоборот, с приходом к власти Владимира Путина, осуществившего централизацию власти, государство значительно укрепилось — и как институт, и как факт общественного мнения. Хотя укрепившееся государство не приобрело в глазах общества репутации справедливого, оно выглядело весьма эффективным в некоторых отношениях.

Во-первых, в достижении экономических целей: с 2003 г. по осень 2008 г. Россия переживала беспрецедентный в пост-

⁸ Путин высказывается против попыток «экспорта демократии» // Интерфакс. 2005. 18 сент.

коммунистическую эпоху экономической подъем, который массовое сознание ассоциировало с режимом Путина. Не столь важно, что в действительности этот подъем в решающей степени зависел от благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, а не от действий российских властей. Не будь этих действий, экономический рост был бы еще более значительным.

Во-вторых, Россия выглядела весьма успешной в преследовании внешнеполитических целей. Здесь очень важным был контраст с ельцинской эпохой, воспринимающейся российским обществом как период национального унижения и позора. (Вообще 1990-е годы во всех отношениях стали выигрышным фоном для новой российской власти.)

В-третьих, российская власть проявила жестокость и изощренность в преследовании своих оппонентов — актуальных и потенциальных. Причем эта жесткость долгое время воспринималась обществом весьма одобрительно. В течение нескольких лет открыто выступать против сверхпопулярного Путина решались лишь небольшие маргинальные политические группы — радикальные левые и радикальные либералы, не пользовавшиеся симпатиями в российском обществе. Более или менее влиятельные оппозиционные политические партии были маргинализованы («Яблоко», СПС) или вообще уничтожены («Родина»).

Четвертым важным доказательством эффективности российского государства стал его полный и успешный контроль над телевизионными массмедиа. Во всех странах, переживших «цветные революции», присутствовали влиятельные оппозиционные массмедиа. В России они исчезли еще в первое путинское президентство. А ведь в отсутствие влиятельных оппозиционных политических партий их роль могли взять на себя только массмедиа.

Влияние глобального экономического кризиса на Россию ослабило впечатление экономической эффективности российского государства, но не критически. Масштабные государственные программы поддержки пенсионеров и бедных

слоев населения в какой-то мере усилили впечатление о справедливости государства, тем самым компенсировав представление о снижении его экономической эффективности. Точно так же некоторое ослабление административного контроля в ходе муниципальных выборов марта 2010 г. привело к тому, что выборы были восприняты обществом как более справедливые.

В общем, требования русских к честности государства (и к государству вообще) настолько незначительны, что любой его шаг навстречу обществу способен улучшить репутацию государства или, по крайней мере, ослабить критику.

В других отношениях — преследование националистических внешнеполитических целей, подавление оппонентов и контроль над телевидением — российское государство остается не менее эффективным, чем прежде. В целом оно не испытывает рисков делегитимации и утраты контроля над ситуацией.

Еще один структурный фактор революции — кризис народного благосостояния. Как дело обстоит с этим? В годы процветания «золотой дождь» нефтяных цен проливался на Россию неравномерно, но доставалось всем слоям. Социальные низы, к которым, по разным оценкам, относится до трети населения, получали массивный пакет государственной помощи. Зависящие от государственных вспомоществований и характеризующиеся ярко выраженными патерналистскими настроениями социальные низы не только не оппозиционны власти, но и составляют ее стабильную опору. Так было до кризиса, так остается и сейчас.

Разогретый экономическим подъемом российский средний класс не переживал революцию ожиданий, подобную украинской. Конфронтации с властью он предпочел стратегический пакт с режимом: отказ от политических амбиций в обмен на экономический рост и рост собственного благосостояния. С точки зрения российского общества, обмен свободы на возможность обогащения выглядел рациональной сделкой. Негативные последствия «оранжевой революции» на

Украине, где война элит привела к срыву экономического роста и дезорганизации государства, не способствовали желанию политических перемен.

Так или иначе, начавшийся в 2008 г. кризис народного благосостояния не имел драматических последствий. Во многом потому, что в предшествующие годы «процветания» был создан запас прочности.

В любом случае, говорить о возможности массовой мобилизации в России не приходится. По заслуживающим доверия социологическим оценкам, даже в пик экономического кризиса, в 2009 г., готовность населения России принять участие в массовых выступлениях лишь немногим превышала докризисный уровень и колебалась в пределах статистической погрешности.

Теоретически потенциальную базу революции в России составляет средний класс. Триггером его мобилизации может стать угроза личным и групповым интересам, т.е. в первую очередь экономические мотивы. Наиболее масштабные, радикальные и организованные акции протеста в России в 2009–2010 гг. прошли именно там, где были существенно задеты интересы среднего класса — во Владивостоке и Калининграде. Однако выступавшие не ограничились экономическими требованиями, а выдвинули и политические.

Тем не менее эти выступления не слились в широкое общенациональное движение. Российскому среднему классу есть что терять, перспектива экономического восстановления сдерживает реализацию его протестного потенциала. В оптике российского среднего класса социальные и материальные риски открытого выступления против власти значительно перевешивают гипотетические плюсы. Значительное большинство российского общества считает ценность стабильности и порядка несравненно важнее ценности свободы и справедливости. Три четверти населения России называют стабильность самой важной ценностью. В политическом плане это подразумевает сохранение статус-кво и неприятие любых радикаль-

ных перемен. Последняя киргизская революция лишь усилила консервативные настроения в России.

Но даже в практически невероятном случае массовой мобилизации народное выступление натолкнется на сплоченное элитное сопротивление. А, как подчеркивал Голдстоун, «государства, пользующиеся поддержкой сплоченной элиты, в целом неуязвимы для революций снизу». И еще: «Угроза революции возникает тогда, когда... элиты не желают поддерживать режим либо преодолеваемы разногласиями по поводу того, делать ли это, а если да, то как»⁹.

Российская элита в целом далека от возможности принципиального раскола. Хотя разногласия в ее рядах с приходом к власти Дмитрия Медведева усиливаются, они не привели к поляризации и формированию элитных группировок с резко различающимися представлениями о структуре желательного социального порядка. Между тем для возникновения революции (или хотя бы острого государственного кризиса) важны не внутриэлитные конфликты сами по себе, а возникновение элитных фракций с радикально отличающимися программами. Оформление таких фракций — важного структурного фактора революции — выглядит пока что скорее гипотетической возможностью.

Маловероятной кажется и перспектива коалиции либеральной элиты с обществом. Напомню, что без союза части элиты и общества успешной революции просто не может быть. Мой скепсис в отношении его перспектив вызван следующим обстоятельством.

На глазах современной российской элиты пал могущественный Советский Союз. Обоснованно или нет, но первопричиной его гибели в России принято считать поспешную и массовую либерализацию в кризисной ситуации. Поэтому значительная часть российской элиты испытывает предубеждение против политической либерализации. В целом элита опасается глубокого вовлечения общества

⁹ Голдстоун Дж. Указ. соч. С. 66, 68.

в политику, поскольку последствия новой «гласности» и «перестройки» могут легко выйти из-под контроля и принять непредсказуемый характер.

Важно отметить, что психологический профиль российской элиты отличается от профиля элиты тех стран, где произошли «цветные революции», по крайней мере в одном важном аспекте. Она готова прибегнуть к массовому и жестокому насилию. В ходе «цветных революций» власть не решалась противостоять оппозиции или же сопротивлялась ровно до угрозы массового кровопролития. В случае возникновения подобной угрозы она сдавалась.

Российская элита, словами царского сановника начала XX в., патронов жалеть не станет и холостых залпов давать не будет. Объектом особого поощрения власти являются милицейские подразделения (внутренние войска), предназначенные для подавления массовых волнений. Крайняя жестокость и бесконтрольность российской милиции хорошо известны всем и каждому в России.

Между тем в стране отсутствует оппозиционная идеология, способная оправдать возможные жертвы общественного протеста. Ни один из вариантов левой, либеральной или националистической идеологии не способен мобилизовать общество в целом на борьбу с властью. В России отсутствует широкая культурная рамка, способная придать смысл радикальным переменам и объединить общество в стремлении к ним. Легитимирующий перемены миф свободы и справедливости по своему влиянию значительно уступает оправдывающему сохранение статус-кво консервативному мифу стабильности и порядка.

В то же время очевидно, что внешнее влияние не способно компенсировать слабость оппозиционной идеологии в России. Клубым международным и даже российским неправительственным организациям российское государство подходит с презумпцией недоверия. Исключение составляют НПО и общественные организа-

ции, которые властью созданы и/или контролируются ею с целью имитации гражданского общества. Наиболее известный пример — Общественная палата.

Западное социокультурное влияние имеет в России парадоксальные следствия, резко выделяющие ее из числа других стран. Русские разделяют основные ценности, ассоциируемые с Западом, ориентируются на западные потребительские стандарты и считают Россию европейской страной. В то же время большинство общества и элиты полагает, что к западным результатам можно прийти незападным путем, не копируя западные институты и процедуры. В отличие от других постсоветских государств, в отличие от самих себя рубежа 1980–1990-х годов прошлого века для современных русских Запад более не выступает нормативистским образцом и мобилизующим примером.

Доказательства несформированности или слабости структурных факторов революции в России могут казаться слишком очевидными, чтобы уделять им много времени. Однако, как ни парадоксально, отсутствие революционной перспективы в России не столь очевидно.

Дело в том, что теория революций признает свой провал в части предсказания революций. Революции можно описать, но невозможно предсказать. Они всегда неожиданны для современников и чаще всего происходят тогда, когда их никто не ожидает. Структурные факторы революции не обязательно ведут к ней. Но и зрелость структурных факторов обычно выясняется лишь постфактум, после того, как революция уже произошла. В январе 1917 г. Владимир Ленин, отнюдь не рядовой политический ум своей эпохи, с горечью писал, что его поколение не доживет до революции в России.

И хотя теория предрасполагает к агностицистской позиции, я все же рискну высказать собственное мнение. В современной России, скорее всего, складываются условия для масштабного государственного кризиса. Однако даже случись, этот кризис вряд ли приведет к революции.